

Учитель сказал: «Не дам глумиться над школой!»

ЗРЯЧАЯ ДУША

ПО ВЕЧЕРАМ Тимофеев берет «Спидолу» и отправляется купаться. Река рядом, за калиткой. Приемник ставит на мостки, настраивает на «Маяк», а потом подолгу плавать, прислушиваясь: не слишком ли отдалился от своего берега?

Купается Василий Дмитриевич в любую погоду и в любое время года. Зимой, правда, в проруби много не наплаваешь, зато, став «моржом», избавился от замучившего было радикулита. А вообще-то он человек здоровый, из себя видный, ладный. Силенкой от природы не обижен. Как-то местные доброты предложили помощь — мол, дрова тебе наколем на зиму. Он сердито отказался, управился сам и тем потом очень гордился.

Теперь поясню немаловажное: приемник на реку Тимофеев берет не для веселости — по необходимости, для «звукового» ориентира. Слепой он. Совсем ничего не видит. И еще у Василия Дмитриевича немного покалечена рука.

Не скрою, мне Тимофеев нравится. За свой недуг не причется. Умен, эрудирован. В суждениях резок, порой беспартийно, зато искренен. Человек без «двойного дна». Хороший человек. И профессия у него наипочетнейшая — учитель. Двадцать седьмой год преподает историю и обществоведение в средней школе карельского поселка Ладва-Ветке, что в восьмидесяти километрах от Петрозаводска. А еще — лектор-общественник, лучший в поселке и замеченный в Карелии. А еще — пропагандист. «Да что там говорить, если разобратся — человек каждый день совершает подвиг!» — сказала его однофамилица и бывшая ученица, а ныне директор школы Галина Петровна Тимофеева.

Вот этого человека сейчас всяческими путями пытаются выжить из школы. Не без помощи директора — той самой бывшей ученицы. И не просто изгоняют, а под флагом «перестройки» и «очищения».

За что? Причина простая: Василий Дмитриевич не позволил выдать липовый аттестат о среднем образовании одному из выпускников. «Не дам», — сказал, — ради благополучных отчетов глумиться над школой!»

Ситуация, согласитесь, не часто встречающаяся, но и не новая. Помните, во времена обсуждения проекта реформы среднего образования редакции всех газет и журналов были завалены сердитыми письмами от педагогов, которые весьма резко ставили вопрос: чего мы добиваемся — всеобщего среднего образования или поголовной выдачи аттестатов? И нынешняя школа, утверждалось в письмах, гонит «вал», учитель по существу лишен права поставить лентяю заслуженную «двойку», а ученики, почувствовав слабость, совершенно перестали работать и на уроках, и дома.

Чем тогда закончилось обсуждение — известно, в принятых документах о реформе процентомания получила резкое осуждение. В теории, так сказать, вопрос был решен. Настала пора практики.

В Ладва-Ветке этот переход выглядел следующим образом. 20 мая на педагогическом собрании голосованием ученик десятого класса Сергей Питкя, имеющий годовые «двойки» по семи (!) предметам, не был допущен к выпускным экзаменам. А через день заседание педсовета было «продолжено» (так значится в официальных документах), и теперь уже так же единогласно учителя согласились считать двоечника успевающим.

Метаморфоза не столь удивительная, как может показаться, если учесть один факт: первое заседание проходило до разговора директора школы с и. о. заведующего Прионежского роно Л. И. Майоровой, а второе — после. Кстати, в ожидании этого разговора «наверху» учителя не смели выставлять итоговые отметки в журнал: реформа реформой, а начальство начальством.

Вам Майорова приказала провести второй педсовет? — спросил я директора.

Мне Людмила Ивановна разрешила его провести, — густо покраснев, ответила Тимофеева. Уклончивость понятная...

Зато учитель истории высказался прямо: конечно, приказала!

В тот момент Василий Дмитриевич Тимофеев, правда, и сам проявил малодушие, пошел на компромисс: пусть Питкя сдаст зачеты по пяти темам — тогда его можно будет допустить к экзаменам по истории и обществоведению.

Бросается в глаза одна деталь — главным вопросом для учителей было: допускать до экзаменов или не допускать? Возможность провала двоечника на самом экзамене исключалась начисто.

Ни на какие зачеты Питкя, конечно, не пришел, предпочел отдохнуть на речке. Действительно, чего церемониться? Он ведь уже начал «сдавать» выпускные — английский, алгебру... Я потом спрашивал, какие же знания Сергей показывал на экзаменах, — учителя отводили глаза.

Чувствую, у читателя назрел вопрос: кто он такой, Сергей Питкя, почему за него так хлопочут школьные педагоги? Я, признаться, сначала и сам подумал, что он чай-нибудь сын. Выяснилось — ничего подобного. Обычные у Сергея родители, нормальные труженики, к «вдвлятельным» не

относятся и за сына совершенно не хлопотали. Сам Питкя, кстати, тоже. Педагоги, получаясь, сами навязывали выпускнику незаслуженный, да и ненужный ему аттестат.

Василий Дмитриевич в конце концов отказался участвовать в этом фарсе. Выяснив, что Сергей даже не пытается подготовиться к зачетам, Тимофеев сказал: «Все, что от меня зависело, и даже больше, я сделал. Сдавать экзамены по истории и обществоведению ты, Питкя, не будешь...».

— Как он посмел? — воскликнула в роно. И в голову не пришло оценить поступок Тимофеева с партийных позиций, выяснить, что стоит за строптивостью историка. А стоит многое.

Из заявления В. Д. Тимофеева в Прионежский райком КПСС: «Насаждаемая в течение многих лет процентомания для нашей школы имела поистине печальные последствия: в прошлом году в 9—10-х классах нашей школы не было ни одного хорошиста, единицы их и в 6—8-х классах. Даже у лучшей выпускницы этого года в аттестате пять троек. Процентомания, приучив учеников к получению нетрудовой «тройки», сделала многих из них ленивыми, малотрудоспособными, безответственными, пассивными. Процентомания тлетворно повлияла и на учителей, ибо если хочешь «ходить в хорошики» — ставь нетрудовую «тройку» и все будет в порядке...».

Реакция районных властей была сверхоперативной. В Ладва-Веткинскую школу срочно явился инструктор Прионежского райкома партии Ю. В. Лузгина и инспектор роно А. Г. Гельфанд. Приехали, чтобы... побывать на экзамене по истории и обществоведению. Поприсутствовал. Лузгина сделала вывод: «Василий Дмитриевич, они все у вас ничего не знают. Чем же Питкя хуже других? Примите экзамены и у него!»

В ДУМАЕМСЯ, что же произошло? Имеем ли мы дело с «отдельным нетипичным случаем» рецидива застарелой болезни — процентомании или проблема гораздо глубже?

Да, на уровне правительственных решений погоня за благополучным отчетом любой ценой осуждена, «сверху» учителям разрешили безбоязненно ставить двойки. Что же изменилось? Практически ничего. По-прежнему мнение инспектора роно определяет, кому что ставить, за что бороться — за истину или отчетность. В той же Карелии в 1984/85 учебном году 31 выпускник десятилетки получил справку вместо аттестата и в 1985/86 году — тоже 31. Что же, резко повысилась после реформы успеваемость и «крайние меры» не потребовались? Увы... Учетом к тому же: эта мера применялась и применяется в основном не к двоечникам, а к ученикам, получившим неудовлетворительные отметки по поведению — за злостное хулиганство, совершение уголовно наказуемых проступков.

В целом по Минпросу Российской Федерации почти та же картина: количество неаттестованных выпускников после реформы возросло всего на 2,7 процента. Впрочем, посмотрев, как Прионежское роно «воюет за каждого ученика», многое начинаешь понимать.

Из заявления В. Д. Тимофеева в Прионежский райком КПСС: «Инициатором всех этих событий, которые по сути своей нельзя квалифицировать иначе, как противозаконные, аморальные и антипедагогические, была Л. И. Майорова, которая, как в годы процентомания, так и теперь, на первое место в своей работе ставит не интересы дела, а хороший отчет во что бы то ни стало. И горе тому, кто, руководствуясь чувством гражданского долга, выступит против очковирательства...»

О том, что бывает со строптивыми, я еще расскажу. Пока отметим, что даже после выпускного вечера районные власти пытались спасти благополучный отчет: завуч Ладва-Веткинской школы добавила «для баланса» в классный журнал несколько троек по обществоведению — и Сергей Питкя вдруг стал успевающим. А экзамены у него по указанию Л. И. Майоровой должна была принять директор школы из соседнего поселка, историк.

— Это не случайность, это система! — сказал Василий Дмитриевич. — Помню, как на прошлогоднем августовском педсовете с трибуны заявлялось: мы, мол, уже покончили с двойками, пора избавляться от троек. Теперь понимаете механику «избавления»?

Я ПРИЕХАЛ в Карелию, когда история с Сергеем Питкя, казалось бы, благополучно завершилась: после обращения Тимофеева к первому секретарю райкома партии двоечнику вместо аттестата выдали справку. Вернувшись на свою прежнюю должность инспектора Л. И. Майорова тогда сказала новому заведующему роно: «Меня все равно накажут, лучше уж упредить. Объявите мне выговор!» Объявили.

Какие же уроки районное руководство извлекло из этой истории?

Урок неожиданный: Тимофеева нужно убрать из школы. Нет, не за излишнюю принципиальность. Сегодня, когда в стране идет перестройка (? — А. П.), когда партия и правительство требуют резко повысить качество обучения, Василий Дмитриевич уже не соответствует занимаемой должности! — чуть ли не один голос заявляли мне... инспек-

тор роно Л. И. Майорова и инструктор райкома партии Ю. В. Лузгина.

— В чем несоответствие? — полюбопытствовал я.

— Как вы не понимаете, он же слепой! Вы бы послушали, как его ученики отвечали на экзаменах! Никто ничего не знал...

— Но почему в таком случае вы не потребовали, чтобы неучам на экзамене поставили двойки?

Такой поворот разговора собеседников явно не устраивал. Полились объяснения, что ученики, в общем, знали, но...

У роно и райкома на руках сильные козыри. Прошлогодний десятый класс Ладва-Веткинской школы насчитывал всего семь учеников. Как же нужно плохо преподавать, чтобы почти при индивидуальном обучении ребята едва-едва тянули на «тройки»? В нынешнем году, кстати, в этой школе тоже лишь семь десятиклассников. И слова здесь зреет новый Питкя, причем не один.

— Да, мы плохо учим ребят, — признается Тимофеев. — Большинство наших учеников не подтверждают школьные отметки на вступительных экзаменах в институты. Но при этом охватительным преподаванием всех устраивают липовые «тройки» и «четверки»: и учителей, и учеников, и главное — роно! Действительный уровень преподавания никого не волнует. И уж речи не возникает о том, чтобы ребята полюбили тот или другой предмет. Не хочу выражаться себя — есть, наверное, и у меня недостатки. Но не помню случая, чтобы ко мне на урок пришел бы завуч, директор, инспектор роно или министерства, послушали бы, подсказали... Учителю трудно ориентироваться лишь на самооценку.

Будем откровенны: учителя в Ладва-Веткинской школе далеко не Шаталовы. Я бывал на некоторых уроках и понял, почему большинство десятиклассников в качестве любимого предмета называли... физкультуру. Неинтересное, казенное преподавание вряд ли вызовет у ребят любовь к предмету. Думаю об этом в роно, в Минпросе Карелии?

Но, боюсь, не принесет сейчас пользу Василию Дмитриевичу посещение его уроков инспектором роно или министерства — не для помощи и совета они зайдут в класс. Его работу уже «оценили» на районном августовском педсовете. В докладе секретаря райкома партии М. К. Раковой на слова не было сказано о попытке выдачи аттестата двоечнику и о принципиальной позиции коммуниста Тимофеева. Зато чрезмерно принципиальный педагог фигурировал в качестве едва ли не единственного примера плохой работы учителей.

— Но он действительно плохой учитель, — убежденно сказала мне М. К. Ракова, которая, кстати, ни разу не побывала в этой школе.

А вот заместитель министра просвещения Карелии А. К. Кутчева придерживается совершенно иного мнения:

— Мы по просьбе райкома послали к Тимофееву специальную комиссию. Есть у него недостатки, но в целом это хороший преподаватель: знающий, эрудированный. В райкоме его невзлюбили — вот и пытаются избавиться. Но министерство в этих «играх» участвовать не будет.

Увы... Министерство в лице самой Анастасии Карповны уже «поучаствовало» в этих «играх». Убедившись, что за профессиональную непригодность Тимофеева уволить не удастся, его недруги добились от Кутчевой приказа, запрещающего Василию Дмитриевичу использовать учащихся в качестве ассистентов. По сути дела его еще раз лишили зрения, потому что уже полтора года после смерти жены именно ученики помогали Тимофееву оставаться учителем — читали ему газеты и книги, водили в школу и домой. Причины запрета находились самые разные, вплоть до таких:

— Я считаю, что не могут старшеклассники ходить домой к Тимофееву и проводить там по несколько часов, — поджав губы, говорит инспектор Минпроса Карелии А. В. Мошеников. — Мало ли что там может случиться...

Признаюсь, я онемел, услышав такое от педагога.

Против Тимофеева идет война. Его противники отстаивают свое тихое благополучие, свое право на спокойную жизнь. Но именно против такого существования выступает Василий Дмитриевич. А взамен получает сыняки да шишки.

И вот что хотелось бы подчеркнуть. Так получилось, что в своей борьбе Василий Дмитриевич практически остался в одиночестве. Его коллеги-учителям не хватило гражданской смелости, чтобы встать рядом, поддержать Тимофеева в его справедливых требованиях навести порядок и в школе, и в роно. Но в Прионежском райкоме тоже предпочли отмахнуться от обращения коммуниста Тимофеева. О какой же действительной, а не словесной перестройке можно вести речь, если вся цепочка — и молчуны-педагоги, и директор школы, и роно, и райком, и Минпрос Карелии — все дружно воеют за прямо противоположное, за сохранение собственного спокойствия и благополучия любой ценой. И это, пожалуй, самое тревожное в нашей истории.

Александр ПРОЦЕНКО.
Карельская АССР — Москва.